

МНЕНИЕ

Парламент накатил на «Немецкую волну»

Отказ от допуска на выборы в Мосгордуму большинства кандидатов от оппозиции вызвал массовые акции недовольства в российской столице. Тысячи человек приняли участие в санкционированных и несанкционированных властями выступлениях. Большинство несанкционированных митингов завершилось массовыми задержаниями, а позже — судами и суровыми приговорами. О том, как эти протесты приобрели международное измерение, рассуждает научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД **Артем Соколов**.

Артем Соколов

Представитель МИД России Мария Захарова обвинила посольство США и медиахолдинг Deutsche Welle (DW) во вмешательстве во внутрисоветские дела. Поводом послужили сообщения в социальных сетях, в которых содержались призывы к участию в несанкционированных акциях (подразумевался, в частности, призыв «Вставай, Москва!» в одном из сообщений в Twitter DW) или информация об их времени и месте проведения. Позже аналогичные обвинения повторили в Государственной думе и Совете федерации, создав специальные комиссии. Временный поверенный в делах посольства ФРГ Бете Гжески была вызвана в российский МИД для объяснительной беседы. По итогам скандала Государственная дума сформировала комиссию по расследованию иностранного вмешательства во внутренние дела России, которая, конечно же, это вмешательство нашла и им же объяснила протесты.

Казарменная чистота информационного пространства столь же сомнительна, как и разнузданная вседозволенность

Недовольство российских властей объяснимо. Еще с советских времен DW пользуется в России противоречивой репутацией. Наряду с «Голосом Америки» и BBC «Немецкая волна» рассматривалась советским руководством как классический пример «вражеских голосов», и ее трансляция на территории СССР ограничивалась. Примечательно, что даже во время горбачевских реформ легальное ве-

щение DW началось только в конце 1988 года («Голоса Америки» и BBC — в 1986 года), когда советская пресса в своем разоблачительном пафосе уже превзошла западные СМИ.

В представлении наших властей DW не является обычным немецким медиаизданием наподобие Spiegel или Suddeutsche Zeitung. Финансирование «Немецкой волны» осуществляется за счет государственных средств, а высший управляющий орган издания формируется при непосредственном участии властных структур ФРГ. Все это позволяет российским чиновникам рассматривать любое выступление DW едва ли не как официальное заявление из Берлина или неприкрытую пропаганду немецкого правительства, эмоционально реагируя в ответ.

Год назад редакция DW уже подпадала под огонь критики Марии Захаровой. Недовольство вызвал анонс интервью с двоюродной сестрой Олега Сенцова Натальей Каплан, в котором усмотрели оскорбление российского руководства. В СФ объявили о проверке деятельности «Немецкой волны» на предмет соответствия российскому законодательству и пригрозили отозвать вещательную лицензию в случае, если будут найдены нарушения. Судя по тому, что редакция продолжает свою работу в России, проверка не нашла ничего противозаконного или не проводилась вовсе.

Оправданны ли опасения российской стороны? Эпоха информационных войн формирует своеобразное соревнование крепостей и осадных орудий. Вряд ли Россия — единственное государство, которое пытается обос-

Неочевидно, что вышедшая на митинги московская молодежь была вдохновлена «Немецкой волной»

Twitter-аккаунт издания (именно к нему у российского руководства накопились основные претензии) насчитывает 186 тыс. человек. Для сравнения: аккаунт радио «Свобода» — 298 тыс. человек, аккаунт «Первого канала» — свыше 3 млн человек, аккаунт RT на русском языке — 859 тыс. человек. Да, DW активно осущещает деятельность внесистемных оппозиционеров, но сами они редко выставляют напоказ такую информационную поддержку. На официальном сайте Алексея Навального, например, удалось найти только одну ссылку на материал «Немецкой волны».

Сторонники российских оппозиционеров не склонны доверять государственным СМИ. Но мало кто из них готов безоговорочно следовать рекомендациям иностранных медиа. Тем более выйти на несанкционированную акцию протеста из-за призыва в социальных сетях. Настоящей мобилизующей силой обладают личные аккаунты активных представителей оппозиции и общественных деятелей.

позиции «лидеров мнений», тематические сообщества и сайты. Даже если митингующие надеялись на некую зарубежную поддержку, меньше всего они ожидали ее от иностранных СМИ с их устоявшейся редакционной политикой и сравнительно небольшой популярностью в России.

Жесткая реакция, особенно в парламенте, на действия «Немецкой волны» выглядит до известной степени избыточной. Безусловно, взгляд на современную информационную среду как на арену противостояния «новой Холодной войны» имеет веские основания. Трудности, с которыми сталкивается медиакомпания Russia Today в Германии, говорят о том, что и на Западе не всегда готовы к неограниченной информационной открытости. Однако политика крайних мер редко эффективна. Казарменная чистота медиасреды столь же сомнительна, как и разнузданная вседозволенность. Иммунитет к провокациям не способен сформироваться в условиях информационной стерильности. Если бы граждане страны были готовы свергать ее руководство по призыву зарубежного медиахолдинга в Twitter, то это стоило бы рас-

сматривать как симптом серьезных проблем не столько в самом медиа, сколько в обществе и государстве.

Советский опыт работы с Deutsche Welle и другими «вражескими голосами» трудно назвать успешным. Законодательное и техническое ограничение трансляций вызывало эффект запретного плода, автоматически повышая их ценность. Передачи DW в конечном счете находили своих слушателей, воодушевленных приобретением к запрещенным истинам. В кризисных ситуациях, таких как ввод советских войск в Афганистан или авария на Чернобыльской АЭС, восприятие официальной позиции советского руководства внутри страны деформировалось слухами, основанными на сведениях из «радиоголосов».

Ограничение деятельности или блокировка сайта «Немецкой волны» на территории России будут обманчивой мерой защиты информационного пространства. Подобные методы рискуют спровоцировать медиасреду на новые, более яркие возмущения. После вызова представителя ФРГ в российский МИД инцидент можно считать исчерпанным. DW, никак не прореагировавшая на демарш российских депутатов, продолжит работать в России в рамках собственной редакционной политики, сохраняя свою читательскую базу. Этот статус-кво удобен всем.

Возможно, это прозвучит наивно, но лучшим способом защиты от информационных атак стало бы отсутствие для них удобных поводов. Силовой разгон демонстрантов, выступающих в поддержку, по их мнению, несправедливо отстраненных от выборов кандидатов, подготовил хрестоматийную картинку государства, действующего в отношении своих граждан жесткими методами. Со стороны внешнего наблюдателя возникает закономерный вопрос: если такие страсти разворачиваются вокруг не самых значимых с политической точки зрения выборов в Мосгордуму, то что дальше?

Во же время современная медиасреда может генерировать поводы для информационных атак и на зыбкой почве. К сожалению, российские и западные СМИ, сталкиваясь с провокациями, выступают чаще как антагонисты, чем коллеги по цеху. До рождественского перемирия или братаний на информационном фронте еще очень далеко.

ПАРЛАМЕНТ

Германия: вперед, в прошлое?

«Альтернатива для Германии» (АдГ) объединяет тех, кто пережил травму после воссоединения Германии, и тех, кого пугает завтрашний день. Но традиционные партии остаются опорой немецкой демократии, считает главный редактор немецкого выпуска «Д» **Петер Кепф**.

Петер Кепф

В Гёрлице, живописном городке на самом востоке Германии на границе с Польшей, Голливуд снимал картины с Джеки Чаном и Арнольдом Шварценеттером («Вокруг света за 80 дней»), Кейт Уинслет и Дэвидом Кроссом («Чтец»), Тильдой Свинтон и Биллом Мюрреем («Отель „Гранд Буапешт“)». Но за красивыми фасадами скрываются слабая экономика и солидное количество пожилых, не удовлетворенных жизнью горожан, потерявших веру в будущее. Многие жители «Гёрлицуда» не в восторге от Евросоюза и политического истеблишмента Федеративной Республики, и потому на выборах в ландтаг 1 сентября больше трети голосов достались АдГ — партии с сильным правым уклоном.

На выборах в ландтаг в Саксонии и Бранденбурге эта партия, именующая себя «Альтернативой для Германии», заручилась поддержкой почти миллиона избирателей, что составляет около четверти от имеющих право голоса. Согласно прогнозам, на выборах в Тюрингии 27 октября АдГ может рассчитывать на аналогичные результаты. Там ее должна опередить только партия «Левые».

Иными словами, каждый четвертый избиратель на востоке Германии вынужден политиком обоего пола, допускающим крайне правые, антисемитские, расистские высказывания, выражающие презрение к человеку. Так что же — Германия движется в прошлое?

Если быть кратким, то нет. В западных землях, где население больше, АдГ демонстрирует куда меньшие успехи. Но и на «благодатном» к АдГ востоке почти три четверти отдадут предпочтение другим партиям. Ни в Саксонии, ни в Бранденбурге АдГ не стала главной политической силой, к тому же с ней никто не готов вступать в коалицию.

При этом АдГ надеялась и даже рассчитывала вырваться на первое место и тем самым подготовить низвержение Ангелы Меркель. На предвыборных плакатах красовались призывы довести перемены до конца («Vollende die Wende»); дескать, мирная революция 1989 года не принесла желанных плодов, ситуация напоминает времена ГДР. Однако такая постановка вопроса вызвала возмущение.

Может быть, сам лидер «Альтернативы для Германии» Александр Гауланд (справа) и не лишен культуры и обходительности, но в партию он привлек немало немцев, у которых с культурой отношения не сложились

На прошедших выборах в ландтаг худшего сценария (на этот раз) удалось избежать. Пост премьер-министра в Бранденбурге снова достанется представителю СДПГ, в Саксонии — христианскому демократу. Ангела Меркель будет оставаться федеральным канцлером до конца нынешнего срока, а возможно, вопреки ее собственному заявлению, и дольше. Не исключено, что в отсутствие харизматичной альтернативы она еще будет нужна Христианско-демократическому союзу Германии (ХДС).

Но что стоит за сетованиями многих восточных немцев на незавершенность политических перемен? И почему так много людей в новых федеральных землях считают, что их интересами пренебрегают и с ними обращаются как с гражданами второго сорта?

The New York Times писала о «разрыве между Востоком и Западом 30 лет спустя после падения стены». Washington Post утверждает, что на востоке «безработица по-прежнему выше, а зарплаты и пенсии ниже западных».

Обратимся к фактам: уровень безработицы в среднем по Саксонии составляет 5,7%, в Бранденбурге — 5,6% (в целом по стране — 5,1%). В Северном Рейне — Вестфалии, то есть на западе, эта цифра составляет 6,7%, в региональном антирейтинге лидируют Гельзенкирхен (13,4%) и Дортмунд (10,4%).

Средние зарплаты на востоке Германии действительно все еще ниже. Саксонцы и бранденбуржцы за прошлый год заработали на 20% меньше, чем в среднем по Германии. У этого много причин: в Восточной Германии к низкооплачиваемым работникам относятся треть занятых на полную ставку, в то время как в Западной Германии их доля в два раза меньше. На востоке больше работающих женщин, которые в силу ряда факторов зарабатывают примерно на 20% меньше мужчин. На востоке по-прежнему мало крупных компаний и множество структурно слабых сельскохозяйственных регионов. Экономический потенциал востока до сих пор составляет около 75% от показателей запада.

В то же время в городах с большим количеством крупных компаний растет не только уровень зарплат, но и расходы на стем жилья и стоимость жизни в целом. Далее: размер пенсии зависит от размера доходов, который до сих пор определяется размером зарплат, в том числе в бывшей ГДР. В рамках сложных правил о компенсации пенсионных выплат до 2024 года ситуация должна полностью выправиться.

Впрочем, граждане с низким доходом обязательно становятся сторонниками АдГ. В Саксонии больше всего получателей Harz IV (минимального пособия для хронических безработных — Д) зарегистрировано в Лейпциге, но там «Альтернатива» получила существенно меньше голосов, чем в других городах.

Есть более веские причины для неприятия «системы» и «истеблишмента», чем тощий кошелек. Часть из них относится к прошлому, другая часть — к настоящему. 30 лет спустя по-

сле падения Берлинской стены и последующего воссоединения многие восточные немцы чувствуют себя преданными и проданными. Как им представляется, так называемое Ведомство по опеке (равно агентству по приватизации) за бесценку отдало заводы и фабрики западным концернам, люди были брошены на произвол практически нерегулируемой капиталистической системы, при которой под идеологическим соусом экономического либерализма имущие богатеют, а бедные нищают. Тем, у кого во времена ГДР была работа, сегодня приходится проводить время в очередях на бирже труда.

Кроме того, многим восточным немцам кажется, что их исторический вклад в смену режима без единого выстрела и без кровопролития не получил должной оценки. Что веси — западные немцы — по сей день считают свою готовность принять осси в состав ФРГ актом доброй воли и гуманизма. Наконец, после воссоединения страны западногерманские рыцари удачи стали пользоваться неопытностью братьев и сестер на востоке — когда последние замечали свою ошибку, ими овладало глубокое чувство недовольства.

Такое униженное положение переросло в комплекс неполноценности. Те же, кто был достаточно молод, чтобы поставить свою жизнь с ног на голову и начать с чистого листа, сегодня (нередко совершенно безосновательно) боятся снова лишиться всего. Бранденбургское село Хиршфельд на границе с Польшей «прославилось», когда больше половины избирателей (307 человек) отдали свои голоса

национальных партиячек — для разозленных сторонников партии все это не беда.

Председатель АдГ Александр Гауланд, до 2013 года состоявший в буржуазно-консервативном ХДС и успевший сделать достойную карьеру в политике и публицистике, называет свой новый политический дом «буржуазной народной партией». Но партийные лидеры не только оказываются в центре внимания вследствие крайне правых высказываний и грубой риторики — зачастую им не хватает бюргерских норм и манер.

Важно понимать, что партийная верхушка ориентируется на запросы партийных масс. Функционеры стараются соответствовать ожиданиям членов и сторонников АдГ. Курс на компромисс с традиционными партиями эти массы сочили бы предательством. Преступником против свободы слова, как они ее понимают, рискует прослыть и тот, кто решится призвать соратников умерить свой пыл. Поэтому многие сторонники либеральной экономики и национальных идей, стоявшие у истоков АдГ, сегодня выходят из партии, осуждающиеся места занимают крайне правые. Националистическое крыло растет, курс смещается вправо. В партии оцены комфортного многочисленным ультраправым, которые заседают в парламентах на уровне федерации и земель, участвуют в распределении муниципального финансирования общественных объединений и учреждений культуры. Гауланд, по сути, человек культурный, не пытается воспрепятствовать ни смещению вправо, ни радикализации риторики: он адаптировался.

«Распущенный язык» АдГ напоминает «исписанную гадостью стену туалета. В нем нет и намек на бюргерские нормы»

АдГ. Сегодня журналисты описывают Хиршфельд как импозантное село с приличной инфраструктурой — и без единого бенжана.

АдГ с ее громким, пронзительным, ксенофобским популизмом зыкает в свои ряды тех, кто пережил травму после воссоединения Германии, и тех, кого пугает завтрашний день. Ее электорат — это главным образом мужчины в возрасте 30–60 лет, не получившие «аттестата зрелости» и тем более высшего образования, а также рабочие. Они боятся потерять работу, боятся падения уровня жизни.

Сильный правый уклон АдГ в целом их не смущает. Скандалы, поддержка крайне правых группировок, участие в демонстрациях крайне правых, растраты, некрасивые истории с пожертвованиями, публичные разборки и отсутствие консенсуса, отмежевание ре-

После убийства в июне политика от ХДС Вальтера Любке берлинский корреспондент швейцарской газеты Neue Zürcher Zeitung Марк Феликс Серро процитировал председателя Бундестага Вольфганга Шойбле, сказавшего, что язык и раньше «служил питательной почвой для насилие и даже убийств». И далее: «распущенный язык» АдГ напоминает «исписанную гадостью стену туалета. В нем нет и намек на бюргерские нормы», язык АдГ способен «производить убийств».

Еще раз подчеркнем: АдГ — это явное меньшинство. На всенских выборах в Европарламент эта партия получила всего 11% голосов. В отличие от Марин Ле Пен во Франции, АдГ далека от прихода к власти. И, несмотря на холодный встречный ветер, традиционные партии остаются опорой немецкой демократии.